

Вне боя

Маршал прожил яркую, насыщенную событиями жизнь. Учитывая, в какое тяжелое время он жил, многие из них были трагическими, но хватало и таких, которые приятно помнить всегда, а также те, которые нужно помнить, даже если не хочется.

Два маршала

Иван Степанович Конев и Георгий Константинович Жуков познакомились еще до Великой Отечественной войны. А за ее время стали верными соратниками, которые всегда относились друг к другу с большим уважением. Однако в разные годы в отношении маршалов вмешивались сначала Сталин, а затем Хрущев. По всей видимости, они не хотели сближения талантливых военачальников, которые при этом были любимы народом. Г.К. Жуков, прирожденный лидер, склонный к волевым решениям, вызывал опасения вдвойне. Было как минимум два наиболее острых

▲ Маршал Г. К. Жуков

момента — в середине 1940-х, а затем в середине 1950-х годов, когда эти опасения переросли в политические обвинения, грозящие серьезными последствиями.

Так, в 1946 году И.В. Сталин выдвинул против Жукова обвинения в заговоре против правительства, что было прямой дорогой к аресту, если не расстрелу.

Когда Сталин в итоге попросил маршалов высказать свое мнение, то Конев первым вызвался говорить. «Человек, который не был бы предан стране, — сказал он, — не стал бы ползать под огнем на войне, рискуя жизнью, выполняя ваши указания, товарищ Сталин! Я глубоко верю в честность Жукова».

После Конева в поддержку Георгия Константиновича высказались П.С. Рыбалко и В.Д. Соколовский, и Сталин, ощутив сопротивление военных, не стал давить. После войны Жуков, да и остальные маршалы, были всенародными героями. Сталин ограничился тем, что снял Жукова с поста главнокомандующего и заместителя министра Вооруженных Сил и назначил его командующим Одесским военным округом.

Иначе вел дело Н.С. Хрущев. В то время Г.К. Жуков был министром обороны. И хотя Георгий Константинович не раз выручал Хрущева в тяжелых ситуациях, не устраивал он генерального секретаря партии все по тем же причинам, что и Сталина — слишком самолюбив, слишком большая военная мощь сосредоточена в его руках, слишком большим уважением пользовался он у солдат и своих коллег. Поэтому он начал принимать меры, чтобы уменьшить влияние Жукова, используя при этом сталинский способ «разделяй и властвуй».

В 1957 году в газете «Правда» появилась статья «Сила Советской Армии и Флота — в руководстве партии, в неразрывной связи с народом», где Жуков изобличался как человек, жадный до власти, говорилось о его ошибках и заблуждениях. Автором статьи значился И.С. Конев. Однако не все было так очевидно.

Наталья Ивановна Конева впоследствии рассказала историю появления этой статьи: «Она была написана в Главном политическом управлении Советской армии <...> Отцу где-то к вечеру на дачу прислали эту статью на подпись, сославшись на решение Центрального комитета, членом которого он был. Тот вечер, затянувшийся далеко за полночь, наверное, был одним из наиболее

▲ Портрет маршала И.С. Конева

драматических в его судьбе. Отец пытался как мог подправить статью, смягчить формулировки, звонил Хрущеву, пытаясь предотвратить публикацию, прекрасно сознавая истинную причину — политическую подоплеку предпринятой Хрущевым атаки на своего недавнего защитника, причем дискредитация Жукова по его плану должна была исходить от его соратника по войне. <...> „Старайся не старайся — статья пойдет за твоей подписью“, — отчеканил Хрущев.

Жуков был обижен. Он просил Конева написать опровержение. Но тот только ответил: «Георгий Константинович, ты же понимаешь, что это никто не напечатает. Это решение партии, а в нашей стране это закон».

После этого Жуков с Коневым не общались 10 лет. Их следующая — и последняя — встреча, на которой произошло их примирение, состоялась 28 декабря

1967 года, на 70-летний юбилей Ивана Степановича. В тот день в его московской квартире собрались практически все знаменитые полководцы Великой Отечественной войны, боевые товарищи Конева, а также его друзья и родственники. На этом юбилее появился и Жуков. Он произнес в честь Ивана Степановича тост, в который вложил все уважение и теплоту, которую испытывал к нему.

«Жуков вспомнил молодость, совместную с ним службу в Белорусском военном округе под началом И.П. Уборевича, — рассказывала Наталья Конева. — Однажды, рассказал Жуков, отец опоздал на совещание, где подводились итоги прошедших маневров. Когда он вошел в комнату, где уже собрались все командиры, Уборевич шутя сказал: „Ну входи, входи, Суворов“. На юбилее Жуков с улыбкой поведал ту старую историю. Рассказ его тронул всех, воспоминания о молодых годах стали для отца замечательным подарком».

Впоследствии этот знаменательный момент был описан Константином Симоновым: «Его приглашение в этот день, в этот дом, его приход туда имели особое значение. Судьба сложилась так, что Жукова и хозяина дома на долгие годы отделили друг от друга обстоятельства, носившие драматический характер для них обоих, для каждого по-своему. А если заглянуть еще дальше, в войну, то и там жизнь, случалось, сталкивала их в достаточно драматической обстановке. Однако при всем при том в народной памяти о войне их два имени чаще, чем чьи-нибудь другие, стояли рядом, и в этом все-таки и состояло самое главное, а остальное

было второстепенным. И когда на вечере, о котором я вспоминаю, после обращенной к хозяину дома короткой и полной глубокого уважения речи Жукова оба эти человека обнялись, должно быть, впервые за многие года, то на наших глазах главное стало главным, а второстепенное второстепенным с такой очевидностью, которой нельзя было не порадоваться».

Анна и Антонина

В жизни И.С. Конева было две женщины. Свою первую жену Анну Ефимовну Волошину он встретил еще в 1920 году на Дальнем Востоке. У нее к этому времени уже была семья. До революции она работала горничной, у Анны и хозяина завязались романтические отношения, и она родила от него дочку Варвару.

Ивана Степановича ко времени их встречи назначили комиссаром на бронепоезде. Ему исполнилось 23 года, он был молод, красив, обладал даром

▲ Советский военачальник И.П. Уборевич

красноречия, вокруг него всегда собирались люди, и он всегда был готов выслушать их и прийти на помощь. Большое впечатление на Анну производила и сила Ивана Степановича — на воскресниках он работал вместе со всеми, перетаскивая немалые тяжести. В ее глазах он был настоящим романтическим героем. «Он — мой Вронский», — говорила она впоследствии.

В 1921 году Иван Степанович тяжело заболел тифом. Целый месяц он провел в госпитале, Анна выхаживала его, готовила ему домашнюю еду, отпаивала клюквенным морсом. Иван Степанович был ей очень признателен. К тому же он успел привязаться к этой жизнерадостной привлекательной девушке и после выхода из госпиталя попросил ее выйти за него замуж.

К концу Гражданской войны, после поражения войск Колчака, многие состоятельные семьи переезжали в Харбин. Человек, у которого работала Анна,

▲ Дом на улице Грановского (ныне Романов переулок), где жил И.С. Конев

▲ И.С. Конев, К. Симонов и Е. Воробьев в Подмоскowie. Фотография конца 1960-х годов

вместе с их дочерью Варей уезжали тоже. Анна отказалась поехать вместе с ними, она была слишком увлечена Коневым. Годы спустя Анна пыталась найти дочь, но, по слухам, они со всей семьей уехали в Америку, и ее следы затерялись.

У Ивана Степановича с Анной родилось двое детей — дочь Майя и сын Гелий. Иногда они все вместе приезжали к отцу Ивана Степановича в Лодейно. В такие дни Анна Ефимовна брала бразды правления в свои руки, и старый дом оживал. Там, где она появлялась, всегда было шумно и весело. Анна умела и любила принимать гостей, ее всегда окружали мужчины, которых она покоряла своим обаянием. Иван Степанович, в свою очередь, в редкие минуты отдыха хотел тишины и покоя. Такое противоречие в их характерах не пошло на пользу отношениям, они стали ссориться. Потом у Анны случился роман с подчиненным мужа, что стало для Ивана Степановича большим оскорблением. Тем не менее какое-то время супруги продолжали жить вместе ради детей. Когда они разошлись, Конев хранил фотографию Анны Ефимовны, на обороте которой ее рукой было написано: «На память самому дорогому, что может быть в моей жизни, мужу, отцу и другу, который никогда не забудет меня. Горячо любимая тобою твоя Нюра».

Конев действительно ее не забыл, помогал ей деньгами в трудные времена. И конечно же, общался с детьми Майей и Гелием.

Со своей второй женой, Антониной, Иван Степанович познакомился на фронте.

Она была родом из большой семьи, с детства нянчила младших братьев и сестер, помогала матери по хозяйству, даже работала вместе со взрослыми в поле. В 16 лет вместе с двоюродной сестрой Зиной Антонина отправилась на заработки в Москву. Тут ее и застала война.

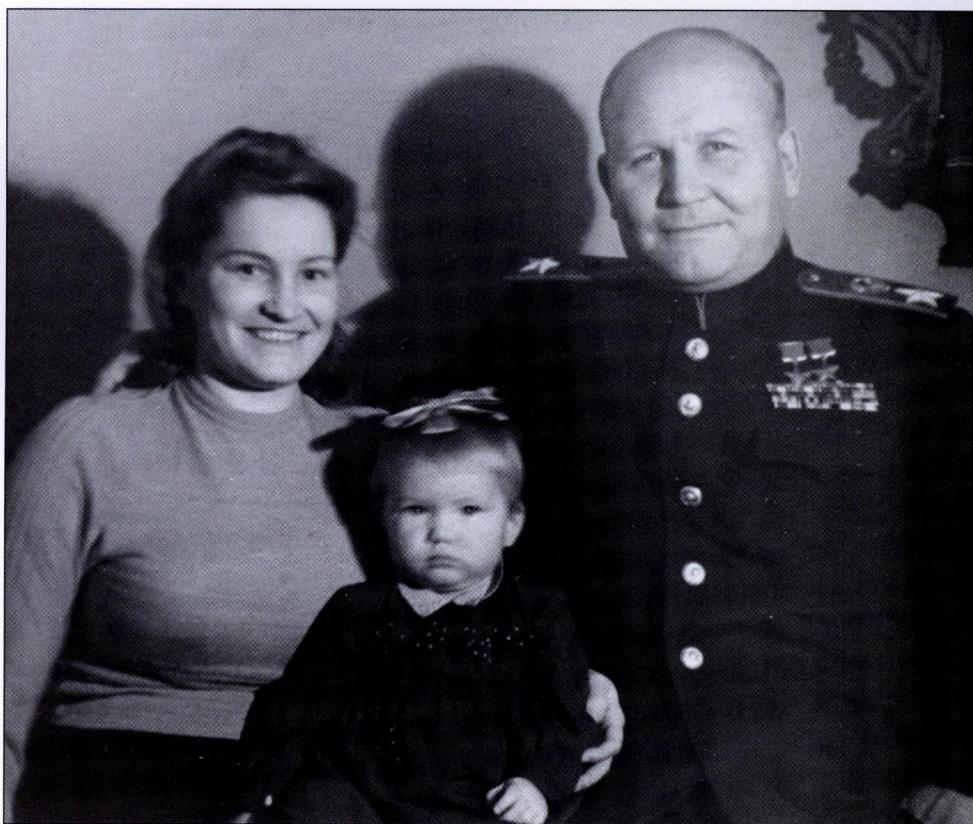
Вместе с подружкой Антонина пошла в военкомат. Сначала их отправили в 31-ю армию под Ржев, а когда она была

разбита, перебросили под Калинин, в 30-ю армию, которой командовал И.С. Конев. Антонина там работала в буфете. Однажды к ней подошел молодой адъютант Конева Саломахин и попросил: «Девушка, надо помочь, вымыть пол в избе у командующего, приготовить еду. А то живет в плохих условиях и питается чем придется». Антонина с готовностью согласилась выполнить работу.

Дочь маршала, Наталья Ивановна Конева, в своих воспоминаниях об отце описывает их первую встречу так: «В штабе фронта, куда Антонину привез адъютант Саломахин, была комната командующего. В ней стоял заваленный картами стол, деревянная скамья, узкая железная кровать, накрытая солдатским одеялом, а под кроватью тапочки. В комнате было пыльно, неуютно. Мама тут же начала наводить порядок и чистоту. Вошел командующий — высокий, худой и очень усталый, — отметила она. Он куда-то спешил и на ходу надевал шинель. Посмотрел на молоденькую девушку, растерянно стоявшую посреди прибранной комнаты, и сказал очень мягко, несмотря на суровый вид и привычку отдавать приказы: „Ну будь хозяйкой“. — И почти сразу уехал».

Коневу сразу приглянулась эта девушка — скромная с виду, но обладающая сильным характером. Он долго присматривался к ней, все-таки она была младше его на 25 лет, он спрашивал ее о семье и о жизни до войны. И примерно через полгода после этой встречи у них начались близкие отношения, которые переросли в крепкую и счастливую любовь.

«Папа был строгим, сдержанным человеком, но относился к маме безумно трогательно, — вспоминала Наталья Конева. — Разница в возрасте заставляла его быть всегда подтянутым, элегантным. Не знаю, откуда у папы, выросшего в крестьянской семье, было чувство стиля. У нас в семье не было принято делать дорогие подарки, но духи маме он покупал часто. Самый ценный подарок папа сделал маме на ее 30-летие — бриллиантовые сережки».

▲ Конев с женой Антониной и дочерью Натальей

Встреча на Эльбе

Эти случаи произошли уже в конце войны, когда остатки бывших непобедимых фашистских войск отступали к Берлину. В апреле 1945 года на реке Эльбе состоялась встреча союзников: советских

и американских войск. Эльба изначально была определена как граница между ними.

Командующий армией США генерал Омар Брэдли должен был нанести визит маршалу И.С. Коневу. У американцев к этому времени уже был опыт общения с русскими солдатами, и каждая такая встреча заканчивалась тем, что американских солдат привозили на джипах мертвецки пьяными, не способными даже глаза открыть. Так что офицеры посоветовали Брэдли выпить подсолнечного масла перед встречей с русским маршалом, дабы не уронить честь флага.

По прибытии в русский лагерь, генерала действительно поджидало застолье. Иван Степанович Конев поднял первый тост, предложив выпить за здоровье Сталина, Черчилля и Рузвельта. Он тогда еще не знал, что американский президент умер три недели назад. А потом оказалось,

▲ Антонина Конева

▲ Командование 1-го Украинского фронта во главе с маршалом И.С. Коневым (5-й справа) встречается с командованием группы американских войск 17 мая 1945 года

что маршал больше одной рюмки выпить не может, поскольку у него язва. Все терзания Омара Брэдли оказались напрасными, и визит прошел во вполне спокойной обстановке.

Особенно генерала впечатлил русский танцевальный ансамбль. Он даже спросил Конева, где ему удалось добыть таких красивых девушек, на что Иван Степанович скромно ответил: «Это обычные девушки. В Красной армии все девушки такие».

Через некоторое время Иван Степанович приехал в американский лагерь с ответным визитом. Генерал Брэдли тоже устроил гостю концерт, и Конев был потрясен худеньким солдатом, который мастерски играл на скрипке. «Где вы откопали такого

гения?» — воскликнул восхищенный маршал. «Это рядовой американский солдат, — ответил Брэдли. — У нас все такие».

Между прочим, этим рядовым солдатом оказался скрипач-виртуоз Яша Хейфиц, которого американские офицеры специально по случаю приезда Конева привезли из Парижа на один день. И к слову, Яша Хейфиц родился и вырос в Одессе.

С язвой Ивана Степановича связан еще один любопытный эпизод. Когда Конев находился в Вене, болезнь обострилась, и к нему привели немецкого врача, который, как говорили, был очень хорош. Тот прочитал историю болезни и заметил, что русского генерала лечили плохие доктора, которые довели его до

критического состояния. Конев посоветовал ему поменьше читать нотации и назначить лечение, если он лучше знает, как это надо делать. Впрочем, врач маршалу действительно попался толковый. Иван Степанович быстро пошел на поправку. А спустя некоторое время, уже уехав из Австрии, он решил разузнать о судьбе врача. И оказалось, что тот предстал перед Нюрнбергским трибуналом как военный преступник и был осужден за эксперименты на людях.

Спасение Дрезденской галереи

Иван Степанович не приписывал себе особых заслуг в поисках коллекции знаменитой Дрезденской галереи, однако он принял довольно активное участие

▲ Маршал Советского Союза И.С. Конев и генерал армии США Омар Брэдли

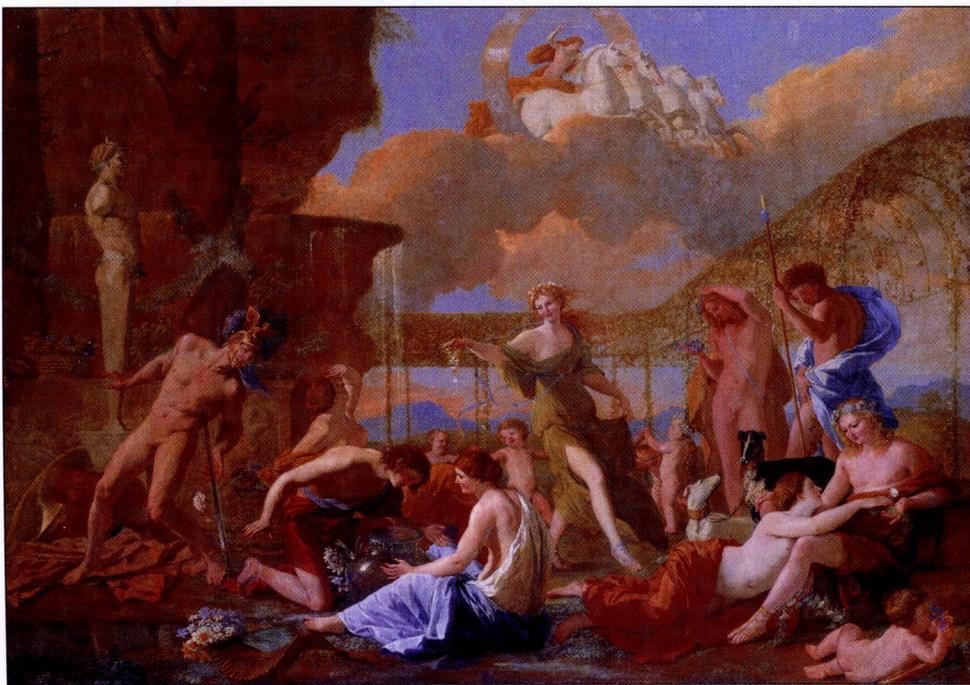
в розысках. Когда советские войска вошли в Дрезден, город представлял собой развалины. «Когда мы увидели разрушенный с особенной беспощадностью исторический центр города, нас сразу же заинтересовало, где и в каком состоянии находится знаменитая Дрезденская галерея, — писал Конев. — До меня уже дошли слухи, что сокровища ее куда-то спрятали, а здание, где находилась галерея, разворочено так, что даже узнать его невозможно. Что последнее соответствует истине, я убедился, проезжая по городу».

Конев поинтересовался, кто занимается поисками картин из галереи и оказалось, что в трофейной бригаде 5-й гвардейской армии есть офицер Л.Н. Рабинович, художник по образованию, который практически на голом энтузиазме пытается искать эти сокровища. Конев стал оказывать ему посильную помощь — выделил людей, пригласил специалистов, во главе которых была Наталья Соколова — московский искусствовед. Докладывать о результатах Конев попросил ему лично. И Л.Н. Рабинович приходил к маршалу каждый день. Он и правда приложил много энергии и смекалки, разыскивая галерею, и в конце концов его старания увенчались успехом. Он обнаружил ее за Эльбой, в заброшенных каменоломнях. Сразу же доложил Коневу, и тот поехал к штольням, чтобы увидеть находку собственными глазами.

▲ И.С. Конев и К. Симонов, 1966 год

Впоследствии Конев описал этот волнующий день в своей книге «Сорок пятый»: «Как сейчас, помню открывшееся тогда перед нами зрелище. Уходившая в глубь каменоломни железнодорожная ветка, по которой вывозили камень, сохранилась, но выглядела так, будто здесь все давно уже заброшено. У входа в штольню, наполовину прикрывая его, стояли два сломанных вагона. <...> Скажу как военный человек, маскировка была на высоте. Буквально никаких признаков, которые вызывали бы хоть малейшее подозрение. А там, внутри, за всем этим камуфляжем, за всем этим видимым запустением, оказалась одна дверь, потом вторая <...> местами здесь сочлились по трещинам грунтовые воды, температура воздуха, видимо, претерпевала большие колебания, и регулирующие установки к тому времени, когда были разысканы картины, уже не работали. Картины (а их в этой пещере оказалось около семисот) были размещены довольно беспорядочно. Некоторые обернуты пергаментной бумагой, другие упакованы в ящики, иные же просто-напросто прислонены к стенам. Я прошел всю эту пещеру и впервые увидел многие из тех шедевров живописи, которые теперь можно видеть в залах восстановленной Дрезденской галереи. Там была и „Сикстинская мадонна“. Несколько минут стоял я перед ней, все еще не до конца веря собственным глазам, что мы действительно нашли ее».

▲ Картина Никола Пуссена «Царство Флоры» была в числе спасенных советскими войсками шедевров Дрезденской галереи